

Важно ли, что имел в виду автор

*Спор, в котором нет правильного ответа, но есть очень
полезные аргументы с обеих сторон*

Литература · 13–17 лет · 14 минут

«Что хотел сказать автор» — вопрос, из-за которого ненавидят уроки литературы. Оказывается, ненависть отчасти обоснована: филологи спорят об этом сто лет и до сих пор не договорились. Разобраться в споре полезнее, чем выучить ответ.

Вопрос, который все ненавидят

«Что хотел сказать автор этим произведением?»

Вопрос, из-за которого литература стала для многих самым нелюбимым предметом. Потому что за ним обычно стоит подвох: правильный ответ уже известен учителю, а твоя задача — угадать его. Не подумать, а совпасть.

Самое интересное, что раздражение тут не от лени. Вопрос действительно уязвимый, и филологи спорят о нём целый век, не договорившись. Разберём спор — он полезнее любого готового ответа.

Позиция первая: автор решает

Начнём с того, что кажется очевидным.

Текст написал человек. Он выбирал каждое слово, что-то имел в виду, чего-то добивался. Если мы хотим понять текст, логично спросить: чего он хотел?

Из этого следует вполне рабочая программа. Изучать биографию. Читать письма и черновики. Узнавать, на что автор отвечал, с кем спорил, что тогда происходило. И тогда тёмные места проясняются: фраза, которая нам кажется странной, оказывается ответом на статью, вышедшую за месяц до того.

Отказаться от этого — значит объявить, что можно читать что угодно как угодно. Тогда «Война и мир» может быть про инопланетян, если мне так увиделось, и любое обсуждение бессмысленно.

Позиция сильная. Против неё выступили неожиданно резко.

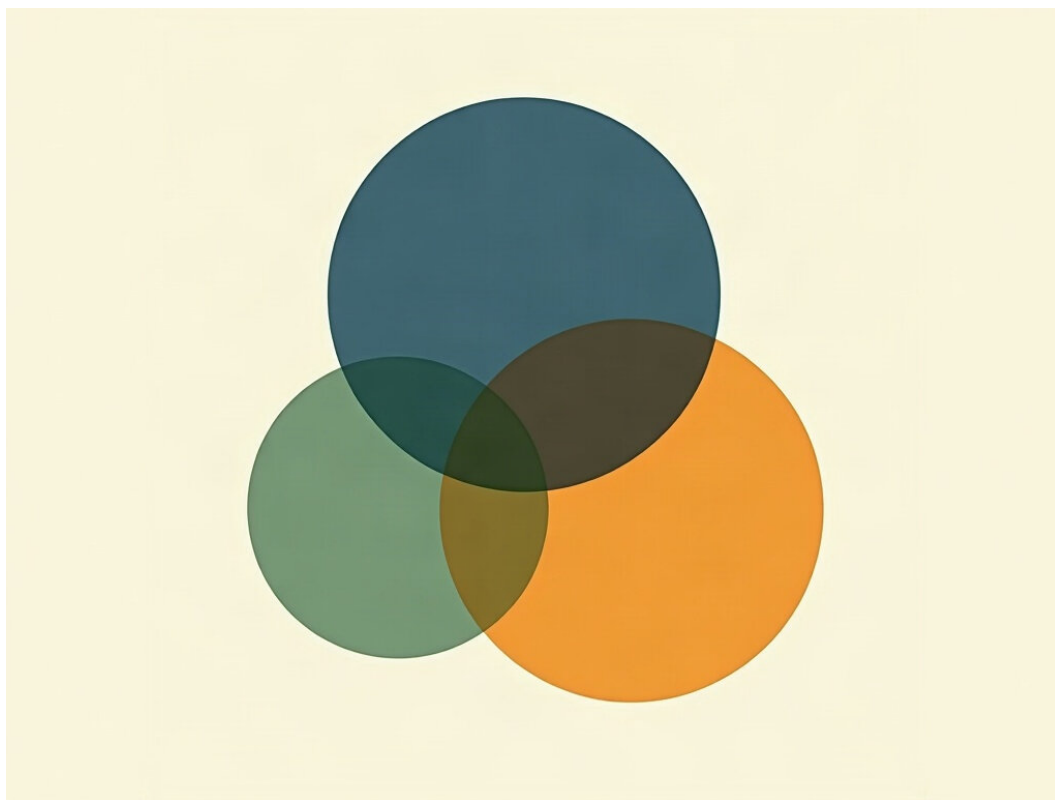
Позиция вторая: автор не главный свидетель

В 1946 году американские литературоведы Уильям Уимсатт и Монро Бирдсли опубликовали статью, где назвали обращение к авторскому замыслу **ошибкой** — и слово подобрали намеренно резкое.

Их доводы стоит перечислить, потому что они неожиданно практичны.

Замысла обычно нет в наличии. Автор умер, писем не оставил, черновики сгорели. Если понимание текста зависит от замысла, выходит, что большую часть литературы понять нельзя — а мы почему-то её понимаем и обсуждаем.

Задуманное и получившееся — не одно и то же. Автор мог хотеть написать про одно, а написал про другое. Хотел показать героя отвратительным — вышел обаятельным. Это не редкость, это постоянно.

Задуманное, написанное и прочитанное — три разных круга

Автор — ненадёжный свидетель о себе. Спроси писателя, о чём его книга, и ответ будет одним из: он объяснит хуже, чем написал; он придумает объяснение задним числом; он скажет «сам не знаю». Все три ответа встречаются, и ни один не авторитетнее текста.

Замысел неважен для результата. Вот главный удар. Если то, что автор имел в виду, есть в тексте — незачем спрашивать автора, доста-

точно прочесть. Если этого в тексте нет — намерение не состоялось. Хотеть написать хорошо и написать хорошо — разные события.

Смерть автора

Название статьи Ролана Барта 1967 года, ставшее ярлыком для целого подхода. Барт доводит мысль до предела: текст не имеет единственного источника смысла, он соткан из множества чужих голосов, а «рождение читателя приходится оплачивать смертью автора». Фразу часто понимают буквально и глупо — будто автор вообще ни при чём. Барт говорил о другом: не существует последней инстанции, которая закрывает спор о значении.

Что об этом говорят сами авторы

Любопытно, что писатели чаще на стороне вторых, а не первых.

Автор тоже не всегда знает, что у него получилось

Многие описывали, как вещь уходит из-под контроля. Персонаж, задуманный второстепенным, забирает книгу себе. Финал, который планировался, оказывается невозможным — не потому, что автор передумал, а потому, что герой, каким он вышел, так бы не поступил.

Набоков любил утверждать обратное: что персонажи — его галерные рабы и делают ровно то, что велено. Но он же настаивал, что смысл книги неотделим от её устройства, и высмеивал попытки вычитать «послание», минуя текст. То есть даже самый властный автор отказывался считать своё намерение ключом.

Есть и практическое наблюдение. Спроси десять авторов, почему герой поступил так, — половина честно скажет: «Я не знаю, так вышло». Это не кокетство. Написанное сложнее задуманного, потому что в него входит язык, а язык тащит за собой больше, чем человек удержит в голове.

Где вторая позиция ломается

Теперь честно о её слабом месте, иначе разговор выйдет однобоким.

Если автор ни при чём, читатель может вычитать что угодно. И тут же возникает вопрос: а бывает ли **неверное** прочтение?

Здравый смысл говорит — бывает. Утверждение «Раскольников убил старуху, потому что она отравила ему собаку» просто ложно: этого в тексте нет. Значит, текст всё-таки ограничивает толкования, пусть не сводит их к одному.

Отсюда промежуточная позиция, которую сегодня занимают многие. Смысл не у автора и не у читателя, а **в тексте**, и текст допускает несколько прочтений, но не любые. Как ноты: их можно исполнить по-разному, и это будут разные исполнения одного произведения, — но сыграть вместо них другую пьесу нельзя.

Проверка выходит простая и полезная: **толкование должно объяснять текст, а не бороться с ним**. Если твоя версия требует не замечать половину написанного — она не про эту книгу.

Одна книга и много несовпадающих прочтений

Можно ли отделить книгу от её автора

Можно и нужно. Книга существует отдельно от того, кто её написал. Если текст хорош, он остаётся хорошим независимо от того, каким человеком был автор; требовать безупречности от писателя — значит остаться почти без литературы.

Нельзя. Читая, мы вступаем в отношения с чьим-то умом, и знание о том, чей это ум, меняет чтение. Когда книга оправдывает жестокость, а автор в жизни делал ровно это, биография перестаёт быть посторонним обстоятельством и становится частью улики.

Заметь, что спор здесь идёт уже не о понимании, а об оценке. Это разные вопросы, и их постоянно смешивают: «что тут написано» и «как к этому относиться» можно и стоит разделять.

Как отвечать на школьный вопрос

Практическая часть, ради которой всё это разбиралось.

Когда тебя спрашивают, что хотел сказать автор, есть три уровня ответа, и они не равноценны.

Плохой. Угадать, чего ждут, и сказать это. Работает для оценки, не работает ни для чего больше.

Лучше. Сказать, что **сделано в тексте**: какие приёмы, какой рассказчик, что подчёркнуто, что опущено. Это проверяемо и не требует залезать автору в голову.

Ещё лучше. Различить три вещи вслух и сказать, о какой ты говоришь: что автор, судя по известным обстоятельствам, скорее всего имел в виду; что в тексте получилось; что видишь ты и на каком основании.

Третий ответ почти всегда честнее и, как ни странно, обычно нравится больше, потому что виден ход мысли, а не заученный вывод.

И ещё одно. Если твоё прочтение не совпадает с общепринятым, это само по себе не ошибка. Ошибка — не уметь показать, на чём оно держится. Разница между своим мнением и произволом — только в наличии оснований в тексте.

Где этот спор выходит за пределы книг

Может показаться, что разговор чисто филологический. Он не филологический.

Тот же вопрос — что важнее, намерение или результат, — решается постоянно и совсем в других местах.

В разговорах. «Я не это имел в виду» — самая частая защита после того, как кто-то обиделся. И она устроена ровно как авторский замысел: говорящий ссылается на то, что было у него в голове, против того, что прозвучало. Обе стороны при этом правы по-своему: намерение действительно было другим, и сказанное действительно было сказано.

В законе. Юристы веками спорят, как читать закон: по букве текста или по тому, чего хотели те, кто его писал. Американцы даже называли

два лагеря и воюют между ними всерьёз, потому что от ответа зависят реальные судьбы.

В технике. Программа делает то, что написано, а не то, что имел в виду программист. Это шутка с очень серьёзным содержанием: всякая ошибка — расхождение между замыслом и результатом, и машине замысел недоступен.

Общее во всех случаях одно. Намерение находится внутри головы одного человека, а результат — снаружи, доступен всем. Поэтому спор о намерении невозможно закрыть, а спор о результате — можно.

Чем «мне так кажется» отличается от толкования

Осталось разобрать место, где школьный вопрос всё-таки прав, хотя задан плохо.

Если смысл не принадлежит автору, соблазнительно решить, что он принадлежит тебе и обсуждать нечего: у каждого своё мнение. Это удобная позиция, и она убивает разговор надёжнее любой цензуры — потому что если все мнения равны, то и слушать друг друга незачем.

Разница между мнением и толкованием — в обязательствах.

Мнение ничего не должно: оно сообщает о говорящем. Толкование должно тексту: оно обязано показать, на чём стоит, и уступить, если найдётся место, которое ему противоречит.

Проверка простая. Спроси себя: **что должно быть написано в книге, чтобы я признал свою версию неверной?** Если ответа нет — у тебя не толкование, а впечатление. Впечатление тоже имеет право быть, просто оно не участвует в споре.

Этот же вопрос, между прочим, отличает разговор о книге от разговора ни о чём — и работает далеко за пределами литературы.

Главное в трёх строчках

- Обращение к авторскому замыслу уязвимо: замысел часто недоступен, не совпадает с получившимся, и сам автор — ненадёжный свидетель о своей книге.
- Противоположная крайность тоже не работает: если возможно любое прочтение, исчезает разница между толкованием и выдумкой.
- Рабочая середина — смысл в тексте: он допускает несколько прочтений, но не любые, и проверка простая — толкование должно объяснять написанное, а не спорить с ним.

Вопросы для размышления

- Автор говорит, что имел в виду одно, а весь текст говорит другое. Кому верить и почему?
- Бывает ли неверное прочтение? Приведи пример и объясни, чем именно оно неверно.
- Если книга написана человеком, совершившим отвратительное, меняется ли от этого сама книга — или только твоё отношение к ней?